

Таня
Сецко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКЦИОНИЗМ, ИЛИ «РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУЖДА ПРОПАГАНДА БЕЗНАВСТВЕННОСТИ»

Логос – это не дважды два, а нечто,
что заставляет нас сказать четыре.

Мераб Мамардашвили

В одной из лекций о Прусте Мераб Мамардашвили произносит буквально следующее: «Когда я говорю “текст”, я имею в виду фактически не литературный текст в традиционном смысле слова, а *орган*, то есть что-то, посредством чего мы видим [...] Текст есть нечто, *посредством* чего мы *читаем событие*»¹. Подобная опция позволяет уклониться от поверхности происходящего (т.е. описательной, изобразительной части) и посмотреть на окружающую реальность, изменив привычный фокус. Так, в свою очередь, я предлагаю рассмотреть (политический) акционизм не как самодостаточное явление и творческий (ф)акт, а как то, посредством чего мы схватываем нечто *другое*. Далее, принимая во внимание практики активисток групп «Война», «Фемен» и «Pussy Riot», сконцентрируемся на том, как пересекаются искусство, политика и протест.

Культура уличных выступлений, протестов представляет собой выражение недовольства, реакцию на происходящее, она позволяет фиксировать проблемные моменты текущей политики и запросы на будущее: это попытка коммуникации между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее лишен, однако имеет определенные претензии и пытается вести борьбу. Перформанс – это публичный жест. Изначально термин *перформанс* употреблялся в артистической среде для обозначения каких-либо действий художника в реальном времени², однако теперь

1 М. Мамардашвили. *Психологическая топология пути*. М. Пруст «В поисках утраченного времени». Лекция 2 (13.03.1984). Санкт-Петербург, 1997. С. 27.

2 Е. Деготь. Performance -- искусство действия // *Декоративное искусство*. 1991. №5. www.visaginat.narod.ru/POST/perf.htm (посещение 23.11.12.).

понятие понимается шире³. С одной стороны, это форма концептуального (само)выражения, с другой – гражданское высказывание. В его основе лежит идея, послание, от внятности и ясности которого зависит коммуникационный потенциал: это не творческая спонтанность, а рациональный текст.

На постсоветском пространстве понятия «политика» и «искусство», как правило, противопоставляются. Нередко можно встретить пассажи подобного типа: «На первый взгляд, искусство и политика несоединимы, словно “вода и камень, лед и пламень”. Искусство несет в себе посыл изящества, политика – изрядную долю грубой силы»⁴.

Такой подход, с одной стороны, предельно сужает само понимание политического, сводя его к государственным структурам и при этом подчеркивая карательный характер, а с другой – судит о художественном жесте изолированно от его социального контекста. Показательно, что эта позиция несовместимости встречается и в акционистских кругах.

Например, в недавнем интервью человек-собака Олег Кулик говорит о «нормальных художниках» и тех, что «ушли в политику». Вместе с тем, он поднимает важную тему, говоря про деятельность группы «Война» следующее: «В общем-то, они вывалились сразу из искусства, они перешли в плохую политику. Они прикрывались искусством, они делали как бы политические жесты. Это было очень интересно, радикально, но куда это могло вылиться?»⁵

Что же значит «прикрываться искусством» и бывает ли оно аполитичным? В принципе, сама идея «прикрытия» возможна лишь в том случае, если мы прокладываем линию демаркации между художественными практиками и понятием власти. В этом смысле «аполитичное искусство» – лишь словесное уклонение, которое на практике представляет собой либо совпадение с официальной линией государства, либо уход в фантазматическое пространство «чистого творчества».

3 Часто весьма проблематично определиться с терминологией и различить акционизм, перформанс и другие формы современного искусство. Так, есть мнение, что перформанс – лишь жанр акционизма, другие полагают, что принципиальное значение имеет наличие отсутствия сценария и (не)выход в публичное пространство.

4 В. Гулевич. Искусство и политика. *Международная жизнь*. 1.02.2012. www.interaffairs.ru/read.php?item=8230 (посещение 23.11.12.).

5 «Олег Кулик: Арт-группа «Война» оказалась как прыщ на попе у Pussy Riot». *Телеканал «Дождь»*. 30.06.2012. www.tvrain.ru/articles/oleg_kulik_art_gruppa_voyna_okazalas_kak_pryshch_na_pope_u_pussy_riot-324620 (посещение 23.11.12.).

В нулевые годы с протестным искусством происходят значительные изменения: новая волна московского/питерского акционизма покрывает улицы политическим пафосом. Если художники 1990-х (такие, как А. Бренер, О. Кулик, Т. Осмоловский) в большей степени занимались экзистенциальными поисками, и единственной явной стратегией для них была защита границ искусства, то новое поколение сознательно переходит эту черту. Художник, куратор, основатель арт-группы «Бомбилы» Антон Николаев говорит о политизированности и интерактивности новых практик, их ориентации на широкие массы вместо прежнего круга узких специалистов-искусствоведов:

продукт артивистов – авторский отчет в Интернете – это всегда вброс информации в медиасреду, который должен вызвать бурную реакцию и последующее обсуждение. Поэтому в артивистских командах часто есть «специалист по тонкой дискурсивной настройке», который «раскачивает» медийную среду, провоцируя ее на реакции и порождение дополнительных смыслов⁶.

Уличный акционизм, в первую очередь, связывает фигуру художника и публику, в том смысле, что в определенной степени важен непосредственный контакт и их нахождение в едином физическом и дискурсивном пространстве. Джудит Батлер отмечает эту важную роль медиа: ныне публичная и политическая сфера определяется специфическим взаимодействием с телами, вышедшими на улицу, т.е. включенными в публичную жизнь⁷. Решающую роль отныне играет новостной шум, который сопровождает акционизм и создает поле восприятия, со всем разнообразием интерпретаций и смысловых преломлений. Кроме того, именно он значительно увеличивает число потенциальных зрителей.

Так, осенью 2011 г. в медийном пространстве появляется феминистская панк-группа «Pussy Riot». Их первый клип «Освободи брусчатку» состоит из записей несанкционированных «концертов» на станциях метро и крышах троллейбусов. На протяжении месяца девушки в цветных балаклавах

6 И. Адашевская. Об артивизме, провинции и политике: беседа с художником А. Николаевым // *Диалог искусств*. 2011. № 5. С. 86-88.

7 Дж. Батлер. Союз тел и Политика Улицы. *Blogspot*. 16.12.2011. www.s357a.blogspot.com/2011/12/blog-post.html (посещение 23.11.12.).

пели о египетской революции, предстоящих выборах президента РФ, призывали граждан выйти на площадь. Ролик мгновенно разошелся по интернету и спровоцировал бурные обсуждения. Акция вызвала скорее неприятие в виду содержательной невнятности и противоречивости: группа, говорящая о себе как о левой и феминистской, исполняла явно сексистские тексты – об иерархии, насилии и объективации. В то же время бросалась в глаза яркость и дерзость самих акций – анонимность участниц, выбор мест проведения и собственно формат выступлений. Параллели с арт-группой «Война» напрашивались сами собой. Помимо стилистической схожести в прессе появлялись материалы, где говорилось о задержании активистов и активисток «Войны»: «Две девушки и трое мужчин разорвали пуховую подушку, разбросали конфеты и, используя микрофон и акустическую систему, пели песни»⁸.

7 ноября 2011 г. Надежда Толоконникова (в прошлом активистка группы «Война»⁹) пишет в «Живом журнале»: «Моя знакомая феминистская панк-группа Pussy Riot просила передать всем феминисткам из этого сообщества подарок в день Революции»¹⁰, и размещает видеоролик и описание проведенной акции «Освободи брусчатку». В тот же день появляется «пояснительный текст» под названием «Почему феминистский хлыст полезен России?» на сайте «Грани.ру», в котором участницы отвечают на ряд вопросов касательно своего выступления¹¹.

О себе активистки говорят следующим образом: «PUSSY RIOT – ой-панк-группа, выступающая нелегально. Большая часть текстов из нашего первого альбома «Убей сексиста» – об убийственном быте, тройном рабочем дне для женщин, о современных тенденциях в свержении режимов и о том, как

8 «Активистов “Войны”, певших песни в метро, задержали в Москве». *Риановости*. 28.10.2011. www.ria.ru/crime/20111028/473223314.html (посещение 23.11.12.).

9 Или в настоящем - активистка московской фракции «Войны». Прояснение осложнений вокруг раскола арт-группы тема достойная отдельного рассмотрения. Поскольку в данном тексте она остается за скобками, можно сказать лишь, что позиции, которых придерживалась Н. Толоконникова в рамках «Войны», в полной мере воплотились в проекте «Pussy Riot».

10 Н. Толоконникова. Нелегальные феминистские концерты в Москве. *LiveJournal*. 7.11.2011. www.feministki.livejournal.com/1857679.html (посещение 23.11.12.).

11 Группа «Pussy Riot». Почему феминистский хлыст полезен России? *Грани.ру*. 7.11.2011. www.grani.ru/blogs/free/entries/192925.html (посещение 23.11.12.).

правильно угнетать мужчин»¹². Далее следует ряд положений вроде «...антипутинизма и радикальной децентрализации органов власти, спасение Химкинского леса и перенос столицы РФ в Восточную Сибирь»¹³. Помимо прочего, значительное место в текстах песен/актов группы занимает риторика насилия, которое в принципе пользуется вниманием в акционистской среде и часто выступает в роли своеобразного языка, посредством которого и ведется общение.

Кто же является адресатом данного послания, кто способен «расшифровать» его? Используя терминологию Якобсона, можно сказать, что отношения между адресантом («Pussy Riot») и адресатом (зрителями) определяются взаимодействием контекста, сообщения, контакта и кода. Именно эти составляющие обуславливают возможность и специфику коммуникации. Для удачного взаимодействия необходим понятный контекст, читаемый код и особый контакт¹⁴. Разрыв происходит в тот момент, когда теряется один из элементов. Если с контекстом (современная российская действительность, недовольство официальной политикой, фантазм перемен и т.д.) и контактом, который, по сути, представляет собой шоковую терапию, казалось бы, все в порядке, то с кодом возникают очевидные проблемы. Тексты песен написаны языком, который в условиях уличных акций создает ряд проблем в виду недоступности и неочевидности. Например, в песне «Освободи брусчатку» (как пишут сами участницы, она посвящена выборам Президента Российской Федерации) мы встречаем такой куплет:

Никогда не поздно стать госпожой,
Дубинки заряжены, крики все громче,
Разомни мышцы рук и ног,
Полицейский лижет у тебя между ног¹⁵.

Не ясно, что считывают случайные зрители в метро и прохожие на улицах Москвы? Агрессию? Что схватывают те,

12 Группа «Pussy Riot». Серия выступлений феминистской панк-группы Pussy Riot в Москве. *Livejournal*. 7.11.2011. www.pussy-riot.livejournal.com/5497.html (посещение 23.11.12.).

13 Там же.

14 Р. Якобсон. *Лингвистика и поэтика. Структурализм «за» и «против»*. Москва, 1975. С. 193-231.

15 Группа «Pussy Riot». Серия выступлений феминистской панк-группы...

кто имеет возможность увидеть текст и/или клип в интернете? Садомазохистскую символику и секс как унижение и средство выстраивания иерархий? В любом случае если была задача донести идею о необходимости свержения режима и пользе «феминистского хлыста», то она явно остается нерешенной. Да и вряд ли имеет шанс, в виду очевидно нарушенной коммуникации: публика попросту не слышит того, что ей кричат, она *видит* – перформанс, спектакль.

В целом тексты «Pussy Riot» похожи на сборник лозунгов и список проблем. Однако, если принимать во внимание, что перед нами протестная группа с политическими целями, а не музыкальный коллектив, то сумбурного озвучивания лозунгов недостаточно. Любое действие в публичном пространстве стоит рассматривать с точки зрения его целесообразности. В обратном случае получают шумные акции, суть которых зачастую теряется за формой. В качестве примера можно вспомнить дискурс вокруг украинских активисток «Фемен», когда поднятая проблема воспринимается лишь в качестве «повода раздеться». Она не получает дальнейшего обсуждения ни в обществе, ни в политических кругах, а теряется среди комментариев касательно внешности активисток.

Тело на улице: ресурс и средство

Тело никогда не было и не будет являться нейтральной формой человека. Во все эпохи оно подчинено определенным канонам, соблюдение которых является необходимым условием для достижения социального успеха. Элизабет Гросс утверждает, что тела как таковые не существуют без привязки к полу, цвету и размеру: «Есть только *тела* – мужские или женские, черные, коричневые, белые, большие или маленькие — и градации между ними»¹⁶. Любое поведение «тел» подвергается гендерной оценке, которая строится на соответствии общепринятым порядкам и нормам и в случае несоответствия сопровождается внутренним беспокойством и внешним неодобрением¹⁷.

16 Э. Гросс. Изменяя очертания тела // *Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия*. Харьков, Санкт-Петербург, 2001. С. 615.

17 К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов*. Санкт-Петербург, 2000. С. 206.

Так, женские (арт)группы, находясь в публичном пространстве, подвергаются особому контролирующему Взгляду. При этом осуществляется двойной надзор: со стороны общества, а также изнутри группы. От женского тела традиционно ожидают «доминанту чувственности», поэтому любые протестные действия так и рассматриваются в спектре от нежности до истерии. Другими словами, акционистские практики трактуются с точки зрения (не)соответствия нормам и правилам «пассивного, зависимого женского тела». Когда же оно выходит за рамки дозволенного, переходит условную границу и претендует на самостоятельное публичное высказывание, происходит немедленная реакция со стороны общественности и государственной системы.

Само по себе *активное тело* в публичном пространстве вызывает сильные эмоции. А *активное женское тело* помимо прочего неизменно поднимает ряд вечно повторяющихся вопросов: кому позволено говорить и в какой форме? А также – каким образом пресекаются подобные акты несогласия?

Две самые распространенные реакции на протестные выступления – это обесценивание и строгое пресечение. Примером неприятия также могут послужить сексистские комментарии в ответ на акции группы «Фемен». Повторюсь, я не оцениваю собственно перформансы, а лишь то, что с их помощью можно увидеть, а именно, что тело (сексуализированное, пригодное для визуального потребления), в определенных условиях, является единственным ресурсом для публичного высказывания, которое в свою очередь нивелируется в виду ряда коннотаций, связанных с гендерными маркерами. Проще говоря, вместо проблем, подтолкнувших женщин к публичным выступлениям, общество обсуждает лишь части тела.

Уклониться от темы сексуальности, в этом контексте, практически невозможно: отказ от использования внешней привлекательности ставится в укор и приравнивается к нежеланию «следить за собой», с другой же стороны, любая игра на сексуальной (не)доступности обесценивает высказывание, сводит его на нет¹⁸.

18 М. Дмитриева. Радикальный эксгибиционизм. Девушка Робин Гуд, или Все о женских способах борьбы. *Частный корреспондент*. 6.01.2011. www.chaskor.ru/article/radikalnyj_eksgibitionizm_18186 (посещение 23.11.12.).

А вот пример строгого пресечения. Первые акции феминистской панк-группы «Pussy Riot» по большому счету проходили без видимой реакции государственных силовых структур – девушки безнаказанно проводили «концерты» на станциях метро, пели на троллейбусе и в витринах бутиков. Лишь после выступления на Красной площади восемь участниц были задержаны, две из них оштрафованы (по статье 20.2 КоАП РФ, нарушение правил проведения митингов, демонстраций, пикетов). Реальное проявление власти и показательная казнь последовали дальше. Результатом акции в Храме Христа Спасителя (ХХС)¹⁹ стал арест трех участниц «Pussy Riot» – Надежды Толоконниковой, Марии Алехиной и Екатерины Самуцевич, которым предъявили статью уголовного кодекса, предусматривающую до 7 лет заключения. События разворачивались следующим образом: 21 февраля 2012 г. «Pussy Riot» проводят панк-молебен в ХХС – забираются на амвон и успевают исполнить один куплет панк-молебна «Богородица, Путина прогони». Далее в сети появляется видео, в котором акция в ХХС смонтирована с «выступлением» в другом храме (19 февраля, Богоявленский придел Богоявленского собора в Елохове). В результате медийной раскрутки мы видим столкновение общественных, политических и религиозных интересов. А также вопрос: *что* это было? В прессе встречается ряд названий – концерт, перформанс, хулиганская выходка, кощунство, надругательство над святыней и т.д.

Акционизм как вид искусства, как новая форма коммуникации смещается в сторону процессуальности: важнейшим элементом являются не собственно действия акторов, а реакция зрителей, которые в данном случае полноправные (если не главные) участники спектакля. В случае с акцией в ХХС публика ответила во все голоса. Помимо просто обесценивающих комментариев в духе «девочки не знают, что творят» (и дальнейших комментариев «не судить, а отшлепать»), вырвались речи ненависти, всколыхнулись

19 Саму акцию можно рассматривать как парафраз панк-концерта в зале Таганского суда, участие в котором принимали будущие активистки «Pussy Riot». См. подробнее: Plucer. Новая акция Войны «Хуй в Очко». Панк-концерт в зале Таганского суда: песня «Все менты - ублодки!» *LiveJournal*. 29.05.2009. www.plucer.livejournal.com/157798.html (посещение 23.11.12.).

задетые «чувства верующих» – вокруг перформанса образовалась шумовая воронка. И в этом смысле проект «Pussy Riot» однозначно сработал. Свидетельством этому выступает смешение дискурсов, объединение групп, занимающих различные социальные, идеологические позиции. Произошло это на почве нарушения логики «здорового смысла»: именно попытка придать административному правонарушению вид уголовного преступления и вызвал массовую солидарность, международный резонанс и ряд протестных акций. Несмотря на этические, эстетические и прочие расхождения с авторками, публичную поддержку высказали представители творческой, политической и академической сферы²⁰.

Вместо заключения

Илья Петровский определяет перформанс как:

действие художника, использующего для своего высказывания любые художественные и нехудожественные средства, и главным из них является собственное тело художника. Причем перформанс – это действие, происходящее непременно на глазах у публики, которой при этом предлагается широкий диапазон ролей – от пассивного наблюдателя до активного участника²¹.

Однако проблема заключается в том, что уличный акционизм представленный той же группой «Война» не находит себе места на постсоветском пространстве. Протестное искусство – определенное в рамках западной теории и практики – в постсоветском пространстве буквально соскальзывает с поверхности ввиду контекстуальных противоречий. А кроме того, уличный акционизм неизменно сталкивается с вопросом – *что это?* Если политика, то – нет, так дела не решаются. Если искусство, то – нет, принципиально нет: грязь, мусор, отвратительное. Ключевым моментом здесь является неразрешенный, или вернее несформированный тревожный вопрос традиции и современности. Другими словами, искус-

20 См. подробнее: «Pussy Riot: Феминистская панк-группа». *Lenta.ru*. 15.11.2010. www.lenta.ru/lib/14216713; «Обращение деятелей культуры и искусства РФ». *Эхо Москвы*. 27.06.20012. www.echo.msk.ru/doc/903154-echo.html (посещения 24.11.12.).

21 И. Петровский Тело как искусство. *Марина Абрамович: В присутствии художника*. www.abramovic.garageccc.com/ru/pages/1 (посещение 24.11.12.).

ство на постсоветском пространстве все еще зачастую определяется вне исторической обусловленности и рассматривается через обращение к «великому и духовному» истоку, который в свою очередь и является гарантом «настоящего творчества». Таким образом, постсоветские перформативные уличные практики фактически не имеют коммуникативного шанса.

В то же время может сложиться впечатление, что активисты (артивисты) не особенно задумываются о том, будет ли их сообщение понято. В обратном случае и язык, и форма были бы иными. Так, к какой именно аудитории обращаются активистки «Pussy Riot», если предполагают следующую схему расшифровки своей акции:

когда мы поем «Призраки Жижекa смыты в сортире», мы имеем в виду сразу целый клубок смыслов: во-первых, это аллюзия на «Призраки Маркса» Деррида – таким образом, мы указываем на то, что Жижек сейчас для ряда новых левых заменил собой Маркса, во-вторых, сортирная риторика отсылает к дискурсу нынешней российской власти и к ее способу работы со всей протестной активностью, включая и левую»?²²

С кем они разговаривают? Очевидно, что данный текст адресован не широкой публике, а узкому кругу дешифраторов, гетто арт-активистов, радикальных художников... Но при чем здесь в таком случае обращение к массам и призыв выйти на площадь? В результате мы имеем смесь из лозунгов на непонятном языке, с политическим (под)текстом и в виде перформанса, который на постсоветском пространстве по большому счету воспринимается инородным художественным вывихом. Так, форма в определенной степени усложняет восприятие. Следовательно, для успешной коммуникации необходимо проблематизировать собственно рамки уличных выступлений, т.е. искать точки соприкосновения *contemporary art* с местным контекстом. Действительно, для того чтобы говорить, всегда приходится искать общий язык.

Протест, выраженный в художественной форме, довольно распространенный вид гражданского высказывания, политической борьбы в широком смысле этого слова. В отличие

22 «Pussy Riot: Против Путина и Филиппа Киркорова, за Тахрир в Москве. Интервью». *OpenSpace.ru*. 11.11.2011. www.pussy-riot.livejournal.com/2857.html (посещение 24.11.12).

от представителей концептуального искусства времен СССР, которые вынуждены были существовать в лакунах, уклоняясь от взгляда официальной власти, активисты 1990-х и арттивисты 2000-х гг. постепенно выходят на улицы и заполняют медийное пространство. В своих практиках они ссылаются на опыт западных художников и знание, которое, как правило, репрезентируется в качестве очевидного и понятного. Однако последнее отнюдь не соответствует действительности. Иными словами, местный контекст полон слепоты, что и обуславливает разрыв коммуникации между авторами высказывания и его адресатами. В итоге вместо публичного обсуждения важных для общества вопросов имеет место информационный шум, который не проясняет, а сводит на нет потенциал политического высказывания. Остается лишь оболочка, которая не находит места ни в рамках действенного (реального?) протеста, ни в области художественных практик. И тогда возникает смысловая невнятность и вопросы: «А вот когда ментовская машина горит – это искусство или нет?»²³

23 А. Володарский. Грядущая война. *Kievreport*. 19.01.2012. www.kievreport.comarts/419 (посещение 25.11.12.).